

САТИРИКОНЪ

1910 еженедѣльное издание

№ 28

III ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:
На годъ—6 руб.; на полгода—3 руб.; на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп.
Контора и Редакція журнала „САТИРИКОНЪ“: Спб., Фонтанка. № 80. Телеф. 524-62.

10 ЮЛЯ 1910 г.

Новосиб. обл.
научная
б-я. нот. ка

СЛАВЯНСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ СОФИИ.

Рис. Ре-Ми.

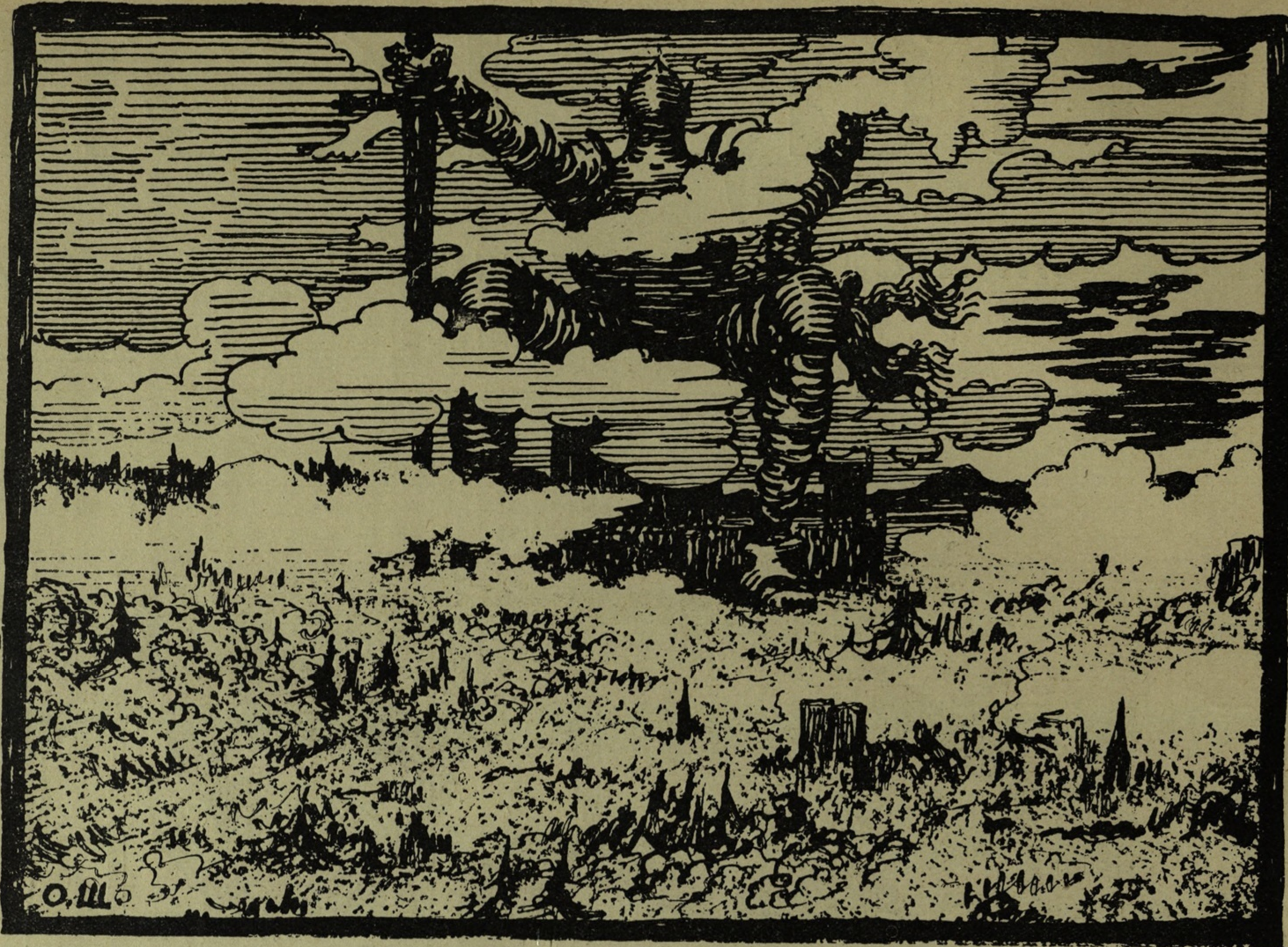
НЕЗНАКОМЫЙ ЯЗЫКЪ.

Ораторъ.—На нашемъ съѣздѣ должны присутствовать только люди прогрессивные, культурные, честнаго и независимаго образа мыслей, а не карьеристы, а не хамствующие угодники, гнущіе спину передъ сильными!!

Николай Гучковъ.—Что это онъ тамъ такое говорить?

Александръ Ивановичъ Гучковъ.—Чертъ его знаетъ... Не поймешь. Что-то по-славянски.

Новосиб. обл.
научная
б-я. нот. ка

КОШМАРЪ ВѢКОВЪ.

Пути ума и лѣтъ искусства
Не отразилъ твой мрачный ликъ:
Давя злобѣще мысль и чувства,
Ты ими силенъ и великъ!
Закованъ въ латы боевыя
Вознесенъ выше облаковъ,
Ты водишь тучи грозовыя,
Метатель молній и громовъ!

Твоя тяжелая десница
Вонзила мечъ во грудь земли,—
Вѣка изъ раны кровь сочится,
Багря поля и корабли...
И чадъ кровавыхъ испареній
Дурманитъ головы людей,—
И тѣмъ для многихъ поколѣній
Ты—царь, желѣзный чародѣй!

Красный.

ФАКИРЪ.

Великія событія начинаются, обыкновенно, очень просто, также просто, какъ и самыя заурядныя. Такъ, на примѣръ, выстрѣлъ изъ пистолета Камилла Демулена началъ великую французскую революцію, а сколько разъ пистолетный выстрѣлъ рождалъ только протоколъ полицейскаго надзирателя!

То событіе, которое я хочу рассказать, началось тоже очень просто, а великое оно или пустынное, предоставляю догадаться вамъ самимъ.

Ровно въ пять часовъ утра на пустынную улицу маленькаго, но тѣмъ не менѣе губернскаго города, вышелъ грязный парень, держа подъ мышкой кипу большихъ желтыхъ листовъ.

Парень подошелъ къ подъѣзду мѣстнаго театра, поплевалъ, помахалъ и прилепнулъ къ дверямъ одинъ изъ желтыхъ листовъ. Сдѣлалъ тоже и на сосѣднемъ заборѣ.

Трудно только начало, а тамъ пойдетъ. На каждомъ углу парень поплевывалъ и наклеивалъ свои листы.

Часовъ съ восьми утра къ нему присоединились мѣстные мальчишки и парень продолжалъ свою работу, сопровождаемый совѣтующей, ободряющей, ругающей и дерущейся толпой.

Къ вечеру дѣло было окончено и несмотря на то, что городскіе пьяницы ободрали всѣ углы на цыгарки, а мальчишки исправили текстъ собственными, необходимыми, по ихъ мнѣнію, примѣчаніями, населеніе города узнало все, что объявлялось на большихъ желтыхъ листахъ.

«Въ четвергъ сего 20-го іюня въ городскомъ театрѣ состоится необычайное представленіе проѣзднаго Факира. Прокальваніе языка, поражающее техникой, жены миссъ

Джилльды, колотіе булавками рукъ и ногъ въ кровь, разрѣзываніе поперекъ собственного живота и выворачиваніе глаза изъ орбитъ въ присутствіи науки въ лицѣ докторовъ и пожелающихъ изъ публики».

Разрѣшено полиціей безъ испытанія боли. Цѣна мѣстамъ обыкновенная.

Публика заволновалась. Въ особенности интриговали ее слова: «разрѣзываніе поперекъ собственного живота». Кого онъ будетъ рѣзать? Или самъ себѣ рѣзать животъ поперекъ. И что значитъ «разрѣшено полиціей безъ испытанія боли»? То ли, что полиція разрѣшила, если не будетъ факиру больно, или просто выдала ему разрѣшеніе, не отколотивъ предварительно въ участкѣ?

Билеты раскупались.

Молодой купецъ Мясорыбовъ, человекъ непьющій, образованный и даже любившій прихвастнуть, будто «читалъ Баранцевича въ оригиналѣ», отнесся къ ожидаемому спектаклю совсѣмъ по столичному. Взялъ для себя ложу и рѣшилъ сидѣть одинъ. Купилъ коробку конфетъ и надѣлъ на указательный палецъ новое кольцо съ бирюзой.

Кольцо это Мясорыбовъ носилъ рѣдко, потому что сомнѣвался въ его истинности. Да и какъ ни поверни—все лучше ему въ комодѣ лежать: коли камень настоящій—носить жалко, а коли поддѣльный—совѣстно. Одинъ армянинъ совѣтовалъ, какъ узнать навѣрное: «Окуни, говорить, ты его въ прованское масло. Если бирюза настоящая—сейчасъ же испортится, и ни къ черту! А поддѣльной хоть бы что». Но совѣтъ этотъ Мясорыбовъ берегъ на крайній случай.

Въ четвергъ къ восьми часамъ вечера театръ былъ почти полонъ.

Многіе забралась рано, часовъ съ шести и ворчали, что долго не начинаютъ.

— Видеть вѣдь, что публика ужъ пришла, ну и начинай!

Мясорыбовъ пришелъ по-аристократически, только за полчаса до начала, сѣлъ въ своей ложѣ въ полуоборотъ и тотчасъ же началъ ѣсть конфеты. Каждый разъ, когда подносилъ руку ко рту, публика могла любоваться загадочной бирюзой.

Занавѣсъ все время былъ поднятъ. Посреди сцены стоялъ небольшой столъ, на немъ длинная шкатулка. Вокругъ стола, въ нѣкоторомъ отдаленіи—дюжина вѣнскихъ стульевъ, и что заинтересовало публику сильнѣе всего, въ углу за пианино сидѣлъ мѣстный таперъ, панъ Врушкевичъ, и потиралъ руки, явно показывая, что скоро заиграетъ.

Наконецъ вышелъ факирь.

Онъ былъ худой и желтый, въ длинномъ, зеленомъ халатѣ, и велъ за руку некрасивую, безбровую женщину въ зеленомъ платьѣ, отъ одного куска съ его халатомъ.

Подошелъ къ рампѣ, раскланялся и сказалъ:

— Попрошу господъ врачей и нѣсколько человекъ изъ публики пожаловать сюда.

Галерка вслухъ удивилась, что онъ говоритъ по-русски а не по-факирски.

На сцену, по перекинутой дощечкѣ сконфуженно поднялись два врача: хохлатый земскій и лысый вольнопрактикующій. Публика сначала стѣснялась, потомъ полѣзла всѣмъ партеромъ. Факирь отобралъ восемь человекъ по солиднѣе и рассадилъ всѣхъ на мѣста. Затѣмъ сбросилъ халатъ и оказался въ короткихъ велосипедныхъ штанахъ и туфляхъ на босу ногу. Въ этомъ новомъ видѣ онъ подошелъ къ рампѣ и снова раскланялся, точно боялся, что безъ халата не приняли бы его за кого другого.

Галерка зааплодировала.

Тогда онъ повернулся къ таперу.

— Попрошу музыку начинать.

Панъ Врушкевичъ колыхнулся всѣмъ станомъ и ударилъ по клавишамъ. Уши слушателей сладостно зашекетали давно знакомый вальсъ «Я обожаю».

Факирь открылъ свою шкатулку, вытащилъ длинную шпильку, вродѣ тѣхъ, которыми дамы прикалываютъ свои шляпки, и подошелъ къ женѣ.

— Миссъ Джильда! Попрошу сюда вашего языка.

Миссъ Джильда сейчасъ же обернулась къ нему и любезно вытянула языкъ.

— Разъ, два и три!—воскликнулъ факирь и проткнулъ ей языкъ шпилькой.

— Попрошу свидѣтельства науки!—сказалъ факирь, обращаясь къ врачамъ.

Тѣ подошли, посмотрѣли, причемъ земскій, какъ болѣе добросовѣстный, даже присѣлъ подглядывая подъ языкъ Джильды съ изнанки. Затѣмъ оба смущенно сѣли на свои мѣста.

Факирь взялъ жену за руку и повелъ по дощечкѣ къ публикѣ. Тамъ она стала проходить по всѣмъ рядамъ.

Зрители, мимо которыхъ она проходила, отворачивались и видно было, что многихъ тошнитъ.

Мясорыбовъ прикрылъ глаза рукой.

— Довольно ужъ! Довольно!—стонать онъ.

— Довольно!—подхватили и другіе.

Но факирь былъ человекъ добросовѣстный и поволокъ свою жену съ языкомъ на галерку.

Тамъ какая-то баба вдругъ запричитала и ее стали выводить.

Обойдя всѣхъ, факирь вернулся на сцену и вытащилъ шпильку.

Всѣ вздохнули съ облегченіемъ.

Факирь досталъ изъ шкатулки другую шпильку подлиннѣе и потолще.

Увидя это, панъ Врушкевичъ перемѣнилъ тонъ и заигралъ «Смотря на лучъ пурпурнаго заката».

Факирь подошелъ къ рампѣ и проткнулъ себѣ обѣ щеки, такъ что головка шпильки торчала подъ правой скулой, а остріе изъ-подъ лѣвой. Въ такомъ видѣ, показавшись сконфуженнымъ докторамъ, онъ снова двинулся въ публику.

— Ой, довольно! Ой, да полно же!—вопилъ Мясорыбовъ и отъ тошноты даже выплюнулъ конфетку изо рта.

— О, Господи!—роптала публика.—Да нельзя же такъ!

Но честный факирь честно ходилъ между рядами и поворачивался то правой, то лѣвой щекой.

— Ой, не надо!—корчилась публика. Вѣримъ—вѣримъ! Не надо къ намъ подходить! И такъ вѣримъ!

Какой-то чиновникъ, подхвативъ подъ руку свою даму, быстро побѣжалъ къ выходу. За нимъ слѣдомъ сорвались съ мѣста двѣ барышни. За ними заковыляла старуха, увозя двухъ ревушихъ во все горло дѣвченокъ; по дорогѣ старуха наткнулась на факира, свершавшаго свои

рейсы какъ разъ въ этомъ ряду, шарахнулась въ сторону, толкнула-какую то и безъ того на смерть перепуганную даму. Обѣ завизжали и, подталкивая другъ друга, бросились къ выходу.

Но больше всѣхъ веселился Мясорыбовъ.

Онъ сидѣлъ въ своей ложѣ, повернувшись спиной къ залу и даже заткнулъ уши. Изрѣдка осторожно оборачивался, смотрѣлъ, гдѣ факирь и, увидя его, весь содрогался и прятался снова.

— Довольно! Охъ, довольно!—стонать онъ.—Нельзя же такъ!

А панъ Врушкевичъ заливался: «стояли мы на бере-гу Невы!»

Но вотъ факирь снова на сценѣ. Всѣ обернулись, ждуть, надѣются.

Изъ дверей выглянули блѣдныя лица малодушныхъ, сбѣжавшихъ раньше времени.

Факирь вынулъ три новыхъ шпильки. Одной онъ проткнулъ себѣ языкъ, не вынимая той, которая торчала изъ щеки, двѣ другія всадилъ себѣ въ руки повыше локтя, причемъ изъ правой вдругъ брызнула кровь.

— Настоящая кровь,—твердо и радостно опредѣлилъ земскій хохлать.

«Гайда тройка!»—раскатился панъ Врушкевичъ. «Снѣгъ пушистый!»

Кого-то подъ руки поволокли къ выходу.

Полицейскій, зажавъ ротъ обѣими руками, дѣловымъ шагомъ вышелъ изъ зала.

Залъ пустѣлъ.

Мясорыбовъ уже не оборачивался. Онъ весь скорчился, закрылъ глаза, заткнулъ уши и не шевелился.

— Уйти бы!—томился онъ, но какая-то цѣпкая ночная жуть сковала ему ноги, и онъ не могъ пошевелиться. За то волосы на его головѣ шевелились сами собой.

Когда факирь обошелъ стонущіе ряды своихъ зрителей, умолявшихъ его вернуться на мѣсто и перестать, Мясорыбовъ инстинктивно обернулся и увидѣлъ, какъ факирь, вытащивъ изъ себя всѣ шпильки, радостно воскликнулъ:

— Ну-съ, а теперь приступимъ къ выворачиванію глаза изъ его орбитъ и затѣмъ между глазомъ и его вмѣстилищемъ просунемъ вотъ эту палочку.

Онъ подошелъ къ шкатулкѣ, но уже никто не сталъ дожидаться, пока онъ достанетъ палочку. Всѣ съ крикомъ, давя и толкая другъ друга, кинулись къ выходу. Иные, быстро одѣвшись, бросились сломя голову на улицу, другіе опомнились и стали любопытствовать:

— Что-то онъ тамъ теперь? А? Можетъ быть уже вывернулъ, тогда можно пожалуй и вернуться. А?

Какой-то долгоязыый гимназистъ пріоткрылъ дверь и взглянулъ въ щелочку.

«Пощлемуемъ дай забвенья!»—нѣжно пламенѣлъ панъ Врушкевичъ.

— Ну, что? Вывернулъ?

— Постойте, не давите мнѣ спину,—важничалъ гимназистъ.—Нѣтъ, еще выворачиваетъ.

— О, Господи! Ой, да закройте вы двери-то!—закорчились любопытствующіе, но черезъ минуту раззадоривались снова.

— Ну, а какъ теперь? Да вы взгляните, чего-жъ вы боитесь, экой какой! Выворачиваетъ? Ой, да крикните ему что довольно! Господи!

— Иди, братъ Мясорыбовъ, домой,—сказалъ самъ себѣ Мясорыбовъ.—Не тебѣ, братъ, Мясорыбовъ, по театрамъ ходить. Съ суконымъ рыломъ въ калашный рядъ. По театрамъ ходятъ люди понимающіе и съ культурной природой. А ежели тебѣ, братъ Мясорыбовъ, скушно, такъ на то водка есть!

Мясорыбовъ спился.

Теффи.

Рис. Миссъ.

ПО ИНЕРЦИИ.

- Видѣли, у насъ въ Одессѣ на выставкѣ фонтанъ бьетъ?
- Кого? Евреевъ?

ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

I.

KINDERBALSAM.

Высоко надъ Гейдельбергомъ,
Въ тихомъ горномъ пансионѣ,
Я живу, какъ институтка,
Благородно и легко.

Съ «Голубымъ Крестомъ» въ союзѣ
Здѣсь воюють съ алкоголемъ—
Я же, ради дешевизны,
Имъ сочувствую вполне.

Раннимъ утромъ три служанки
И хозяйнѣ и хозяйка
Мучать Господа псалмами
Съ фисгармоніей не въ тонѣ.

Послѣ пѣнія хозяйнѣ
Кормить кроликовъ умильно,
А по пятницамъ ихъ рѣжетъ
Подъ навѣсомъ у стѣны.

Передъ кофе не гнусавятъ,
Но зато передъ обѣдомъ
Снова Бога обижаютъ
Сквернопѣніемъ въ стихахъ.

На листахъ вдоль стѣны столовой
Почки пьяницъ пламенѣютъ,
И сердца ихъ, и печенки...
Даже портятъ аппетитъ!

Но, привыкнувъ постепенно,
Я смотрю на нихъ съ любовью.
Съ глубочайшимъ уваженьемъ
И съ сочувственной тоской.

Супъ съ крыжовникомъ ужасенъ,
Вермишель съ сиропомъ—тоже,
Но чернила съ рыбьимъ жиромъ
Всѣхъ напитковъ ихъ вкуснѣй.

Здѣсь поятъ сырой водою,
Молочкомъ, цикорнымъ кофе,
И кошунственнымъ отваромъ
Изъ овса и ячменя.

О, когда на райскихъ клумбахъ
Подають такую гадость,—
Лучше жидкое желѣзо
Пить съ блудницами въ аду!

Иногда спускаюсь въ городъ.
Надуваюсь бодримъ пивомъ
И ехидно подымаюсь
Слушать прѣсные псалмы.

Горячо и запинаясь,
Восхищаюсь ихъ Вильгельмомъ,
А печенки грѣшныхъ пьяницъ
Мнѣ моргаютъ со стѣны...

Такъ, надъ тихимъ Гейдельбергомъ,
Въ тихомъ горномъ пансионѣ,
Я живу, какъ римскій папа,
Свято, праздно и легко.

Вотъ сейчасъ я влѣзъ въ перину
И смотрю въ карнизъ, какъ ангель:
Въ чревѣ томно стонетъ солодъ
И бульбулькаетъ вода.

Чу! внизу опять гнусавятъ.
Всѣмъ друзьямъ и незнакомымъ,
Мошкамъ, птичкамъ и собачкамъ
Отпускаю всѣ грѣхи.

Гейдельбергъ.

Саша Черный.

ВЪ ПЫЛУ БЕСѢДЫ...

— О, морскія катастрофы бываютъ грандіозны!.. Однажды я видѣлъ, какъ налетѣлъ на скалу пароходъ «Три мушкетера»... Представьте — онъ немедленно-же сломался пополамъ и развалился на двѣ равныя половины: полтора мушкетера на-лѣво и полтора—на-право!..

- Поздравь меня! Женюсь.
— А-а... Поздравляю. Значить—мы блаженствуемъ?
— То есть... кто же это мы?!!
— Какъ? Развѣ ты себя не считаешь?

Ф.

БАКАЛЕЙКИНЪ.

(штрихъ).

Въ литературѣ вывелись самые разнообразные типы: дѣловитый, пронырливый Чичиковъ; вдохновенный лжецъ Хлестаковъ; красивый, безвольный говорунъ Рудинъ; безмѣрно тоскливый, потерявшій себя чеховскій Ивановъ; описывались красивые поэты, злодѣи, сухіе, расчетливые карьеристы. Во всякомъ такомъ типѣ было заложено что-то цѣльное, большое, что окрашивало всю его жизнь въ одинъ рѣзкій тонъ. Злодѣй злодѣйствовалъ, Рудинъ говорилъ, Ивановъ нылъ, карьеристъ осторожными, размѣренными шагами приближался къ завѣтной цѣли...

Но что сказать о Бакалейкинѣ? Что такое Бакалейкинъ?

Я увидѣлъ Бакалейкина на одной вечеринкѣ, и онъ сначала показался мнѣ простымъ, славнымъ, веселымъ человѣкомъ безъ затѣй. За ужиномъ актеръ Громовъ разсказалъ прекрасный, веселый анекдотъ. Разсказалъ и я.

Анекдотъ — очень тонкая, деликатная вещь: требуется, чтобы онъ былъ новъ, свѣжъ, ошеломляющъ, безъ длиннотъ и объясненій. Мы съ актеромъ разсказали по два такихъ анекдота и вызвали всеобщій восторгъ.

Бакалейкинъ тоже смѣялся вмѣстѣ съ другими, но потомъ сказалъ:

— Вотъ кто знаетъ анекдоты, такъ это я. О-о... Вы только попросите меня. Одинъ армянинъ спрашиваетъ барышню...

Никто не просилъ Бакалейкина, но онъ разсказалъ старый, набившій оскомину анекдотъ объ армянинѣ и барышнѣ.

Изъ вѣжливости фальшиво посмѣялись и перевели разговоръ на другое.

— Постойте! Я еще одинъ знаю. Какъ армянинъ съ евреемъ о Богѣ разговаривалъ! Армянинъ спрашиваетъ...

— Старо,—сказали мы съ актеромъ.—Знаемъ.

— Тогда,—подхватилъ онъ торопясь, чтобы его не перебили,— разговоръ еврея по телефону. Еврей беретъ трубку...

— Боже!—шутливо возмутился актеръ.—Какъ вамъ не стыдно? Это годовалыя дѣти знаютъ...

Опять мы заговорили о чемъ-то другомъ, но я исполнителка слѣдилъ за Бакалейкинымъ.

Онъ сидѣлъ, напряженно нахмурившись, и о чемъ-то думалъ. Видимо, онъ со страшнымъ трудомъ, болѣзненно вороша усталый мозгъ, вспоминалъ что-то.

— Стойте!—крикнулъ онъ.—Этого анекдота вы, навѣрное, не знаете... Какъ одинъ парень у священника исповѣдывался...

— Сначала птичье гнѣздо, потомъ солдатка, — поморщился актеръ.—Знаемъ. Ей, Богу—довольно.

Бакалейкинъ болѣзненно скривился, сжалъ руками голову и погрузился въ задумчивость.

— Ну, ладно!—вскинулся онъ.—Послѣдній разъ—скажу. Этотъ ужъ будетъ самый новый... Одна институтка ѣхала съ отцомъ и увидѣла на заборѣ...

— Отстаньте!—скучающе сказалъ я.—Надоѣло. Вы разсказываете старые надѣвшіе анекдоты, всѣмъ извѣстные...

Мы демонстративно встали и отошли отъ стола, а Бакалейкинъ вскочилъ, побѣждалъ за нами и, цѣпляясь за руки актера, умоляюще говорилъ:

— Ради Бога... Ну, послѣдній! Малюсенькій...

— Не надо!

— Увѣрю васъ—смѣшной. Очень прошу васъ—выслушайте... Я больше не буду приставать... Приходить еврейка...

Мы, отдирая его руки отъ нашихъ пиджаковъ, убѣгали, а онъ бѣжалъ за нами и говорилъ умоляюще:

— Ну, послѣдній! Этотъ ужъ, навѣрное, не знаете...

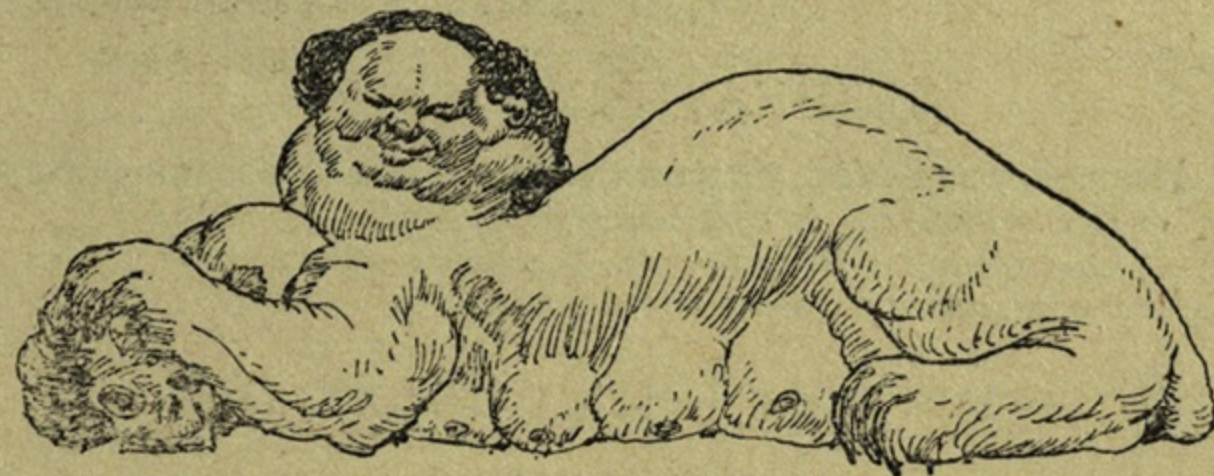
— Спрашивается,—говорилъ мнѣ актеръ, когда мы ѣхали домой,—зачѣмъ Бакалейкину было нужно это? Разсчета онъ никакого не могъ имѣть, выгоды это ему не представляло, всѣ, наоборотъ, наглядно показывали, что имъ скучно, что никто не хочетъ его анекдотовъ... Зачѣмъ же онъ бѣгалъ за всѣми, зачѣмъ умолялъ, будто бы отъ этого жизнь его зависѣла? Лавровъ онъ хотѣлъ? Веселья? Но всѣ смѣялись ему въ лицо, и онъ не такъ глупъ, чтобы не чувствовать этого... Зачѣмъ?

Я спросилъ:

— Вы можете вообразить, чтобы у такого Бакалейкина была какая-нибудь завѣтная цѣль въ жизни, свой идеалъ—пусть злодѣйскій, пусть плутовской или сантиментальный,—но идеалъ? Что-нибудь такое, что служило бы ему маякомъ въ жизни?

— Бррр...—поморщился актеръ.—Что вы это?! Будто бы ножомъ по тарелкѣ скринули.

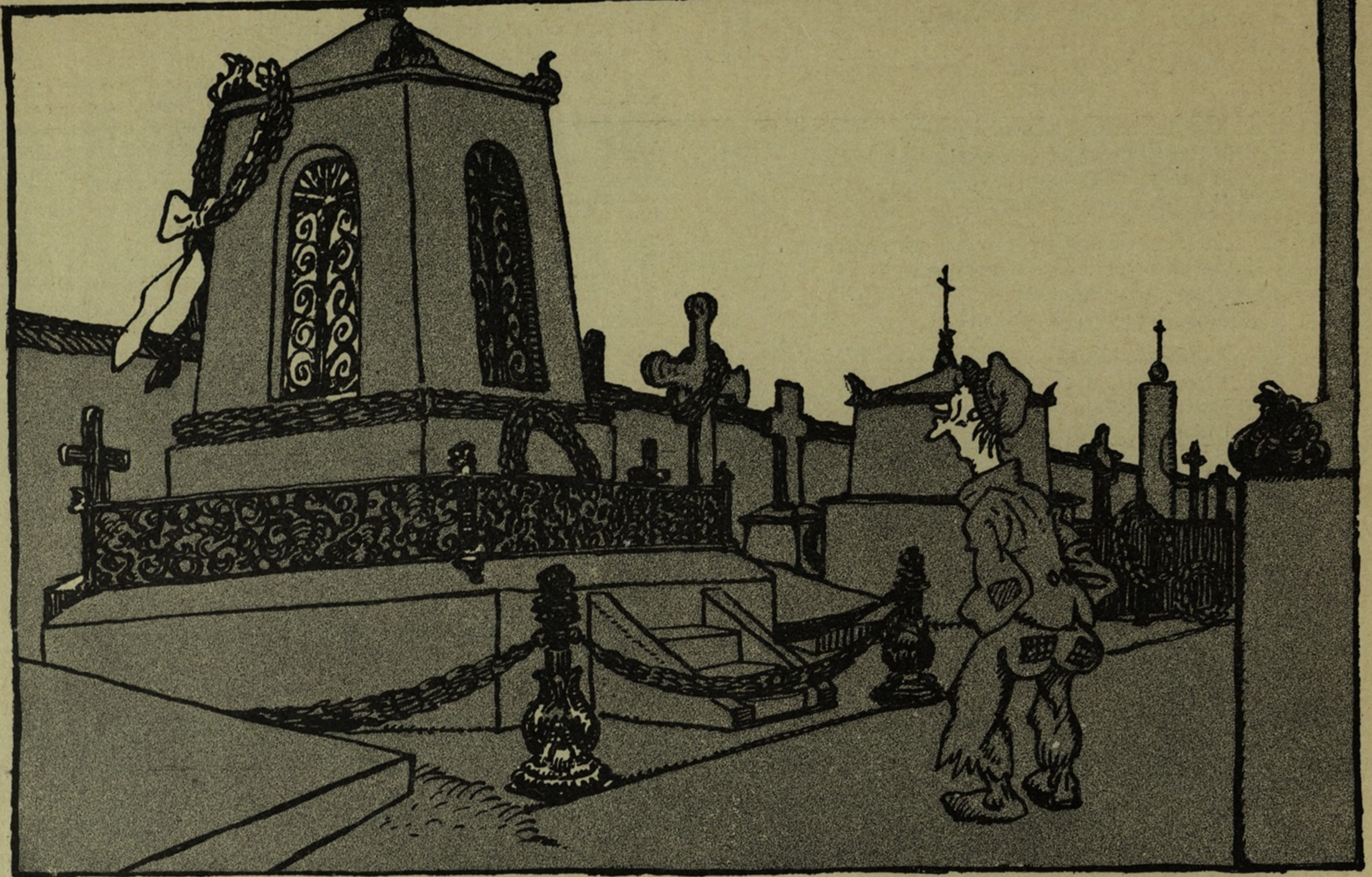
Фальстафъ.

— ТА-ЛИ?! —

Звуки плыли, таяли,
Колыхалась талія...
Ты шептала: «Тá я-ли?!»
Повторяла: «Тá-ли я?!»
Не сказала ни слова я,
Лишь качалъ гитарою...
Не соврать же: новая, —
Коли стала старою!.

Иванъ Кузьм. Прутковъ.

ПРИЯТНАЯ ЖИЗНЬ.

Бродяга (съ завистью).—Эхъ! И живутъ-же люди!..

ЛѢТНЯЯ СКАЗОЧКА.

Подъ березой подберезовикъ стоитъ.
Парень съ дѣвкой «Ау» кричатъ вдали.
— Ишь, проклятые! Навѣрно, по грибы... —
Подъ березой подберезовикъ ворчитъ.

Ближе, ближе парень съ дѣвкой кричатъ.
Вотъ сошлись они. Хохочутъ:—Ха, ха, ха... —
— Ишь, проклятые! Навѣрно, грибъ нашли... —
Подъ березой подберезовикъ ворчитъ.

Вотъ мелькаетъ въ листьяхъ желтый сарафанъ.
Вотъ рубаха краснымъ полемемъ горитъ.
Ближе-ближе. Ближе-ближе. Подошли.
— Ахъ, нашли меня, проклятые! Нашли... —

Подъ березой парень съ дѣвкой сидятъ.
Подъ березой подберезовикъ дрожитъ.
— Ахъ, прикрой меня, спаси меня, лопухъ.
Ишь вѣдь шепчутся. Навѣрно, про меня.—

Подберезовикъ дрожитъ подъ лопухомъ.
Къ ночи выглянулъ.—Я, право, молодець!
Какъ искали-то! Примяли всю траву.—
Закачался, какъ подъ бурею, лопухъ.

Иванъ Рукавишниковъ.

ДЕЛИКАТНЫЙ ОТВѢТЪ.

Институтка—(съ ужасомъ глядя на больного нищаго):
— Послушайте... А гдѣ же вашъ носъ?
— О, барышня! Видите ли... Я такъ много въ молодости цѣловался, что наполовину стеръ его поцѣлуями.

СЛУЧАЙ СЪ ПАТЛЕЦОВЫМИ.

ГЛАВА I. КЛЮЧИ.

Что можетъ быть хорошаго изъ Назарета?

Однажды лѣтомъ въ одиннадцать часовъ вечера супруги Патлецовы сидѣли на ступенькахъ парадной лѣстницы, въ трехъ шагахъ отъ дверей своей квартиры—и ругались.
— Въ концѣ концовъ,—бормоталъ Патлецовъ,—это даже удивительно: стоитъ только поручить что-нибудь женщинѣ—и она приложитъ всѣ усилія, чтобы исполнить порученіе какъ можно хуже и глупѣе!.

— Молчалъ бы лучше,—угрюмо отвѣчала жена,—ужъ достаточно одного того, что мужчины картежники и пьяницы.

Мужъ горько, страдальчески засмѣялся.

— Въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядька... Представьте себѣ,—обратился онъ къ угловому солидному столбику на перилахъ, такъ какъ никого другого поблизости не было,—представьте, что я, выходя днемъ съ нею изъ дому, вышелъ первый, а ее попросилъ запереть переднюю дверь и ключи взять съ собой... Что же она сдѣлала? Ключи забыла внутри, въ замочной скважинѣ, захлопнула дверь на англійскій замокъ, а ключикъ отъ него виситъ тоже внутри, на той сторонѣ дверей. Какъ вамъ это покажется?!

Солидный столбикъ отъ перилъ даже не улыбнулся, храня полное молчаніе, свойственное субъектамъ этого типа, а Патлецовъ, стремясь излить душу, не смутился этимъ и продолжалъ:

— И, представьте, чѣмъ эта женщина оправдывается?! А вы, говоритъ, картежники. Логично, доказательно, всеобъемлюще.

Госпожа Патлецова хлопнула кулакомъ по молчаливому слушателю мужа и, энергично обернувшись, спросила:

— Скажи: чего ты отъ меня хочешь?

— Мнѣ было бы желательно знать—какъ мы попадемъ въ квартиру?

Жена задумалась.

— Это ты виноватъ! Ты отпустилъ прислугу до завтра—ты и виноватъ! Если бы она была внутри, она бы открыла намъ.

— Видѣли? — обратился къ своему единственному другу—столбику Патлецовъ и заскрежеталъ зубами... Я виноватъ, что отпустилъ прислугу?! А она ее нанимала—значитъ, она и виновата! А та заперла черный ходъ—она, значитъ и виновата! А какой-то глупый англичанинъ изобрѣлъ англійскій замокъ—онъ и виноватъ?!

— Недаромъ я такъ не хотѣла выходить за тебя замужъ,—возразила жена.—Если бы не вышла—ничего бы и не было...

— Что? Какъ вамъ это понравится?..

Если бы у столбика было какое-нибудь отверстіе сверху—онъ зѣвнулъ бы имъ. Такъ все это было скучно...

Послѣ долгаго саркастическаго разговора Патлецовъ предложилъ женѣ два проекта: поѣхать до утра въ гостиницу, или переночевать тутъ же, на площадкѣ лѣстницы у дверей.

Первый проектъ былъ забракованъ на томъ основаніи, что ѣздить по гостиницамъ неприлично; за второй проектъ авторъ его удостоился одного только краткаго слова:

— Ду-ракъ.

— Ну, что-жъ,—кратко улыбнулся Патлецовъ.—Если я дуракъ, а ты умная — придумывай сама выходъ. А я вздремну...

Онъ прислонился къ периламъ и, дѣйствительно, задремалъ. Его разбудилъ плачь.

— Ты чего?

— Мнѣ страшно. Ступай за слесаремъ.

— Да какой-же слесарь въ двѣнадцатомъ часу. Всѣ честные слесаря спятъ...

— Бери хоть нечестнаго. Мнѣ все равно!

Мужъ улыбнулся.

— Вотъ если бы сейчасъ поймать вора съ отмычками— онъ бы оборудовалъ все это моментально.

— Поймай вора.

— Что ты, милая... Какъ же это такъ: поймай вора!.. Что это, блоха на тѣлѣ, что-ли? Гдѣ я его ловить буду?

И тутъ же Патлецовъ немедленно вспомнилъ: за угломъ этой большой улицы, гдѣ они жили, былъ грязный переулокъ, а въ переулкѣ помѣщался трактиръ «Назаретъ», пользовавшійся самой печальной, скверной репутацией. Говорили, что въ трактирѣ гнѣздились разныя темныя личности, жулики не у дѣлъ и карманники, пропивавшіе здѣсь дневную добычу.

Сначала то, о чемъ подумалъ Патлецовъ, показалось ему неимоверно глупымъ, чудовищнымъ, а потомъ, когда онъ поразмыслилъ минутъ десять — планъ сталъ казаться гораздо проще, исполнимѣе.

— Во всякомъ случаѣ,—усмѣхнулся про себя Патлецовъ,—это оригинально и, во всякомъ случаѣ, никакого другого выхода, кромѣ гостиницы, которую эта дура отвергаетъ—нѣтъ!

Онъ сказалъ женѣ, что пойдетъ поискать слесаря, спустился съ лѣстницы и исчезъ.

ГЛАВА II. «НАЗАРЕТЪ».

Теплый, влажный, пропитанный невыносимымъ запахомъ скисшаго пива и старыхъ закусокъ, воздухъ окуталъ Патлецова, когда онъ открылъ темную, липкую дверь.

Съ перваго взгляда въ «Назаретъ» не было ничего страшнаго: за столиками сидѣли легковые извозчики, истерзанные мастеровые и женщины, такія дешевыя, что двѣ изъ нихъ равнялись по стоимости порціи рубленныхъ котлетъ.

Патлецовъ подошелъ къ толстому одноглазому буфетчику и деликатно наклонился къ нему.

— Не могу я навести у васъ справочки?

— Ну? — сурово и подозрительно кивнулъ головой одноглазый.

— Мнѣ нуженъ слесарь. Нѣтъ ли здѣсь между вашими... гостями слесаря?

— А вамъ для чего-такого?

— Ключи отъ дверей потерялъ. Въ квартиру не могу попасть.

Видъ у Патлецова былъ солидный, искренній. Буфетчикъ хмыкнулъ.

— Богъ ихъ знаетъ.. Всѣ они слесаря, такъ или иначе. Ходятъ тутъ всякіе.

— Да вы мнѣ только укажите на кого-нибудь.. а я самъ поговорю. Я заплачу ему.

— Вонъ туда идите,—ухмыльнулся буфетчикъ.—Видите, въ уголку роется. Только меня не путайте. Можетъ, они и не возьмутся. Мнѣ-то что!

Въ уголку сидѣло трое. Приняли они Патлецова недовѣрчиво, странно поглядывая на него, сбитые, очевидно, съ толку его страннымъ предложеніемъ.

Одинъ носилъ странное имя—Зря, другого называли Аркашенькой, а третій былъ сложнѣе: Мишка Саматоха.

— Да вамъ что нужно, господинъ? — съ какимъ-то неискреннимъ удивленіемъ спросилъ Зря, самый старшій.

— Кто хочетъ, ребята, честно рубль заработать?

— Да мы всегда честно рубли зарабатываемъ, — съ болѣзненнымъ самолюбіемъ вора заворчалъ Аркашенька.

— И прекрасно! Мнѣ нуженъ слесарь... Ключи я отъ дверей забылъ. Такъ открыть.

Всѣ трое, какъ куклы, замотали головами.

— Не занимаемся.

— Какъ-же такъ? А мнѣ сказали, что кто-то изъ васъ слесарь.

Мишка Саматоха, молодой бритый парень, съ лицомъ актера и такими невыносимо блестящими глазами, что онъ безпрестанно гасилъ ихъ блескъ скромнымъ опусканіемъ вѣкъ, возразилъ:

— Да какъ-же такъ—ночью, идти въ чужую незнакомую квартиру, отмыкать какія-то двери—Богъ его знаетъ, что оно такое... Хорошо-ли это?

— Да я хозяинъ квартиры!—загорячился Патлецовъ.—

Понимаете—хозяинъ! И я вамъ разрѣшаю... Мало того—я даже прошу васъ объ этомъ! Вы меня выручите...

Въ практикѣ трехъ друзей это былъ рѣдкій смѣхотворный случай,—когда хозяинъ самъ давалъ разрѣшеніе на то, что они дѣлали всегда съ душевной тревогой и тайнымъ трепетомъ.

Тѣмъ не менѣе, Зря и Аркашенька отказались отъ предложенія категорически.

— Я два рубля дамъ! Я очень, очень прошу васъ. Ну, что вамъ стоитъ выручить человѣка?!

— Да почему вы въ слесарную мастерскую не обратились?—спросилъ, гася свои алмазные глаза, Саматоха.

— Заперто все уже! Господи! А мнѣ сказали, что тутъ въ «Назаретъ» можно найти этихъ... слесарей... безработныхъ. Какъ же мы иначе попадемъ въ квартиру? Мы бы съ женой были вамъ очень благодарны... Чрезвычайно.

Зря и Аркашенька снова сухо отказались. А саниментальному Саматохѣ польстило, что его такъ просить, и что этотъ господинъ въ золотыхъ очкахъ и его жена, вѣроятно, красивая, не менѣе нарядная женщина — будутъ ему, Саматохѣ, очень благодарны.

А когда Патлецовъ, замѣтивъ колебаніе раскисшаго Мишки, взялъ его за руку и горячо пожалъ ее, Мишка всталъ и, разнѣженно усмѣхнувшись, буркнулъ:

— Идите впередъ. Я... сбѣгаю за инструментомъ и догону васъ.

ГЛАВА III. МИШКА САМАТОХА.

Жена Патлецова была очень удивлена и обрадована, когда мужъ явился съ какимъ-то человѣкомъ и сообщилъ радостно:

— Нашелъ! Вотъ онъ сейчасъ откроетъ.

У Саматохи въ суконкѣ были завернуты какія-то вещицы, издававшія металлическій лязгъ. Саматоха поклонился женѣ Патлецова, положилъ на подоконникъ суконку и развернулъ ее.

— Ой, что это?—съ кокетливымъ любопытствомъ протянула госпожа Патлецова, заглядывая въ суконку,—зачѣмъ такъ много?

— Инструменты, сударыня,—улыбнулся Мишка Саматоха.—Разные тутъ.

— А это что?

— Это англійскій лобзикъ,—сталъ объяснять польщенный вниманіемъ супруговъ Мишка.—Пилочка такая... Преимущественно, для амбарныхъ замковъ и засововъ. Вотъ этимъ ее смазываютъ, чтобъ не слышно было.

— А зачѣмъ, чтобъ не слышно?—спросила жена.

Патлецовъ и Саматоха перебросились быстрыми смѣющимися взглядами и отвернулись другъ отъ друга.

— Это, извольте-ли видѣть, американскій ключъ— послѣднее слово техники—со вставными бородками: можно вставить какую угодно.. вотъ наборъ бородакъ... Это обыкновенныя отмычки, къ сожалѣнію, не полный наборъ, всего двѣнадцать штукъ...

Невыносимые алмазные глаза Мишки сверкали вдохновеніемъ артиста.. Онъ вертѣлся, шелкалъ пальцами по синеватой стали, гремѣлъ отмычками, съ увлеченіемъ объяснялъ достоинство новой системы буравчика передъ прежними и умилялся до слезъ, когда госпожа Патлецова робко дотрагивалась тоненькими холеными пальчиками до странныхъ, таинственныхъ приборовъ.

— Ну, а какъ же вы откроете нашу дверь?—спросилъ Патлецовъ.—Этимъ, что-ли?

— Англійскій замокъ? Нѣтъ, этой штучкой. То съ всѣмъ для другого. Вотъ, смотрите...

Мишкѣ Саматохѣ хотѣлось, подъ взглядомъ прекрасныхъ женскихъ глазъ, сдѣлать свое дѣло какъ можно красивѣе, проворнѣй и съ блескомъ. Онъ улыбнулся госпожѣ Патлецовой, вынулъ маленькій крючекъ, какъ фокусникъ, показалъ его публикѣ, засучилъ рукава и принагнулся къ замку.

— Только онъ уже не будетъ больше годиться,—предупредилъ онъ,—ничего? Англійскіе замки, видите-ли, нужно сломать снаружи, чтобъ открыть...

— Все равно,—нетерпѣливо сказалъ Патлецовъ.— Лишь бы попасть намъ домой.

— Слушаю-съ.

Послышался трескъ... Саматоха съ лицомъ доктора, дѣлающаго трудную операцію, суетливо нагнулся къ своему набору инструментовъ, быстро вынулъ необходимый и сунулъ его куда-то вбокъ, въ шель.

У своего плеча онъ слышалъ дыханіе, глядѣвшей на его работу съ любопытствомъ, госпожи Патлецовой.

И самъ Патлецовъ былъ тоже неимоверно заинтересованъ.

Потный, сияющий Саматоха чувствовал себя героем дня. Онъ чѣмъ-то повергъ въ дверной щели, дернулъ, потрясъ ручкой двери и, наконецъ, быстро, эффектнымъ театральнымъ жестомъ радостно, какъ дитя смѣясь, толкнулъ ее ногой.

— Пожалуйте-съ!

Госпожа Патлепова радостно вскрикнула и бросилась въ открытую дверь. Патлеповъ посмотрѣлъ на собиравшаго свои инструменты утомленнаго Саматоху и сказалъ ему:

— Подождите здѣсь. Я сейчасъ вынесу деньги.

Дверь захлопнулась и Саматоха остался одинъ... Онъ, насвистывая, занялся складываніемъ своихъ принадлежностей, любовно осматривалъ ихъ, дышалъ на нихъ ртомъ и потомъ чистилъ тусклый металлъ рукавомъ потертаго пиджака.

Прошло минутъ пять—шесть. Къ Саматохѣ никто не выходилъ. Саматоха уже хотѣлъ напомнить о себѣ деликатнымъ стукомъ въ дверь, какъ она распахнулась, и въ ея свѣтломъ четырехугольникѣ показался Патлеповъ, дворникъ и городской.

— А-ахъ!— крикнулъ протяжно Мишка Саматоха, отпрыгивая къ окну.

— Вотъ что, милый мой,—строго обратился къ нему Патлеповъ.—Ты, я вижу, слишкомъ большой искусникъ и слишкомъ опасная персона, чтобы оставлять тебя на свободѣ. Сегодня ты открылъ дверь съ моего разрѣшенія, а завтра сдѣлаешь это безъ онаго... Общество должно бороться съ подобными людьми всѣми легальными способами, какіе есть въ его распоряженіи.. Понимаешь? А такой субъектъ, какъ ты, на свободѣ съ этимъ инструментомъ— благодарю покорно! Да я ночей не буду спать...

Когда молчаливаго Саматоху уводили, онъ уже не старался тушить бриллиантовый блескъ своихъ глазъ. Они такъ сияли, что больно было смотреть.

Патлеповъ аккуратно заперъ дверь и, почесавъ спину, пошелъ спать.

Аркадій Аверченко.

ПОЧТИ.

- Часы у васъ золотые?
- Почти.
- Вы дворянинъ?
- Почти.
- Какъ—почти?
- Землю свою уже заложилъ.

В.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ „САТИРИКОНА“.

Представленныя въ редакцію рукописи не возвращаются (даже при условіи присылки марки на отвѣтъ).

А. Петербургъ.

142. Евграфу Чиновникову, «Перу», Ходъ—А—му «Буквоѣду» Сикитурадастрѣ, Здѣсь—Питиу, Бродягѣ Закавказскому, Никитѣ К—ному, «Риере».—Траху...
Все присланное, къ сожалѣнію, не подошло.

Б. Провинція.

143. Кіевъ—С—у, Въ пространство—Антону Сорокину, Москва—Шантеклеру, Москва—чу,—Серпу, Сибирь—Деви, Ярославль—Юношѣ, Омскъ—Скорпиону, Кіевъ—Як. Ла—у. М. Разгильдяеву, Одесса—Г—у, Ковно—Доротѣ, Херсонъ—Подателю Копѣйки, Грузино—Костерину, Лукояновъ—Пузыреву, Вологда—Автору, Вязьма—Невѣрному, Никольскъ—Уссурійскій,—Врядимиръ Петрѣичу, Ст. Стайки—М. Ш. Ст. Тифлисъ—Ефиму...
Не подходитъ.

144. Минусинскъ—Кузнецову.—Премія будетъ разслана осенью. За вырѣзку благодаримъ. Воспользовались.

145. Одесса—Имяреку.—1) Сотрудники принимаются. 2) Гонораръ полагается. 3) Разныхъ размѣровъ. 4) Рукопись должна быть разборчива.

146. Мюнхенъ—Stoff. Не подошло.

147. Ялта—Ялтинцу.—Взяли. Спасибо.

Н. Д.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: М. Г. Корнфельдъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЬ САТИРЫ И ЮМОРА

Сатирикон' 52

(ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

№№ роскошно
иллюстриро-
ванныхъ, въ
краскахъ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ **6** руб., на полгода **3** руб., на 3 мѣс. **1** руб. **50** коп.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ № 524-62.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ ИЗДАТЕЛЬСТВО „САТИРИКОНЪ“ ВЫПУСКАЕТЪ ВЪ
СВѢТЪ НОВУЮ КНИГУ ЮМОРИСТИЧЕСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО

„ВЕСЕЛЫЯ УСТРИЦЫ“

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА, РАБОТЫ ХУДОЖН. РЕ-МИ, и АВТОБИОГРАФІЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Автобіографія.

I. ВЪ СВОБОДНОЙ РОССИИ.

Исторія болѣзни Иванова.
Кто ее продалъ?..
Русская исторія.
Люди.
Почести.
Робинзоны.
Визитъ.
Бѣдствіе.
Мученикъ науки.
Сперминъ.

Октябристъ Чикалкинъ.
Невозможное.
Звѣринецъ.
Путаница.

II. ОКОЛО ИСКУССТВА.

Труха.
Аполлонъ.
Американцы.
Подмостки.
Проклятіе.
Пернатое.
Еще воспоминанія о Чеховѣ.

Крайнія теченія.
Неизлѣчимые.
Золотой вѣкъ.
Безъ почвы.

III. МОИ УЛЫБКИ.

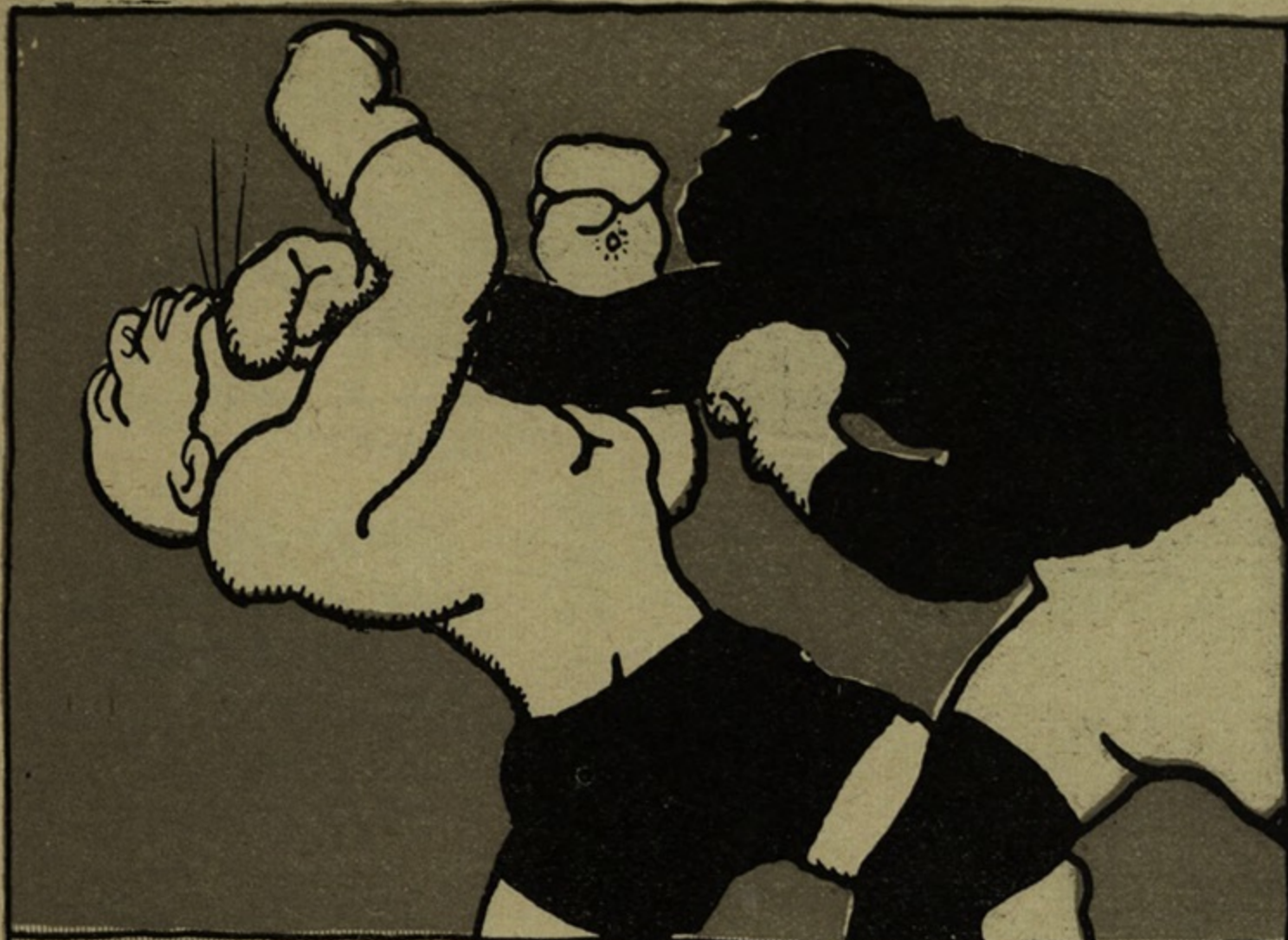
Четвергъ.
Мозаика.
Рубановичи.
Четверо.
Лѣкарство.
Ложь.
Визитеръ.

ЦѢНА КНИГИ 1 РУБЛЬ.

Отъ издательства „Сатириконъ“:

(Примѣчаніе:—для подписчиковъ и читателей журнала „Сатириконъ“).—Въ книгу „Веселыя устрицы“ не вошелъ ни одинъ изъ рассказовъ Арк. Аверченко, напечатанныхъ въ „Сатириконѣ“.

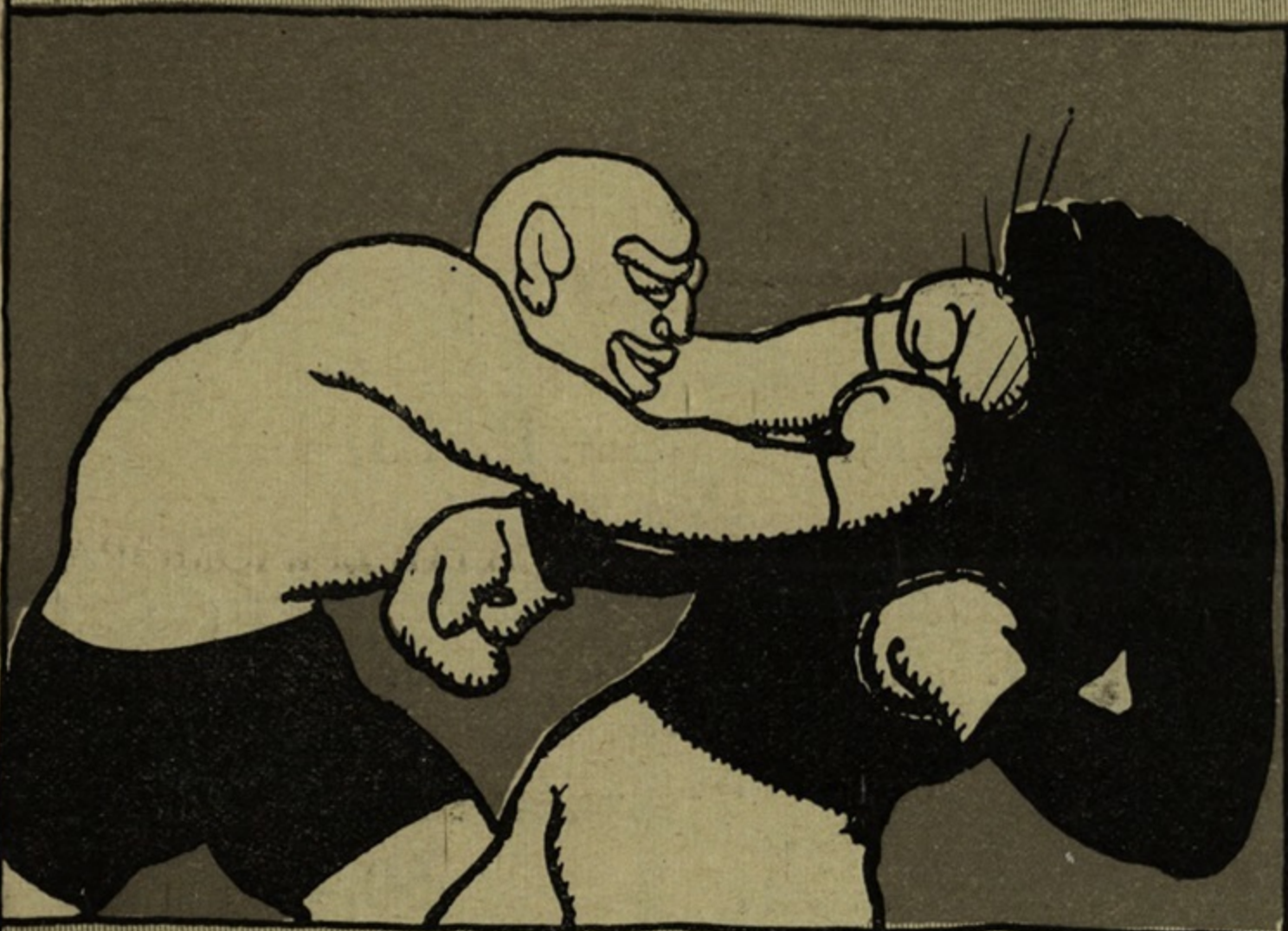
Рис. А. Яковлева.

Въ 1910 году боксеръ чемпионъ негръ Джонсонъ побѣдилъ боксера чемпиона американца Джефриса.

Огорченные поражениемъ, американцы набросились на негровъ и стали ихъ убивать...
— Ихняя взяла,— кричали они.— Бей ихъ!!

Въ 1911 году боксеръ американецъ Джефрисъ побѣдилъ боксера негра Джонсона.

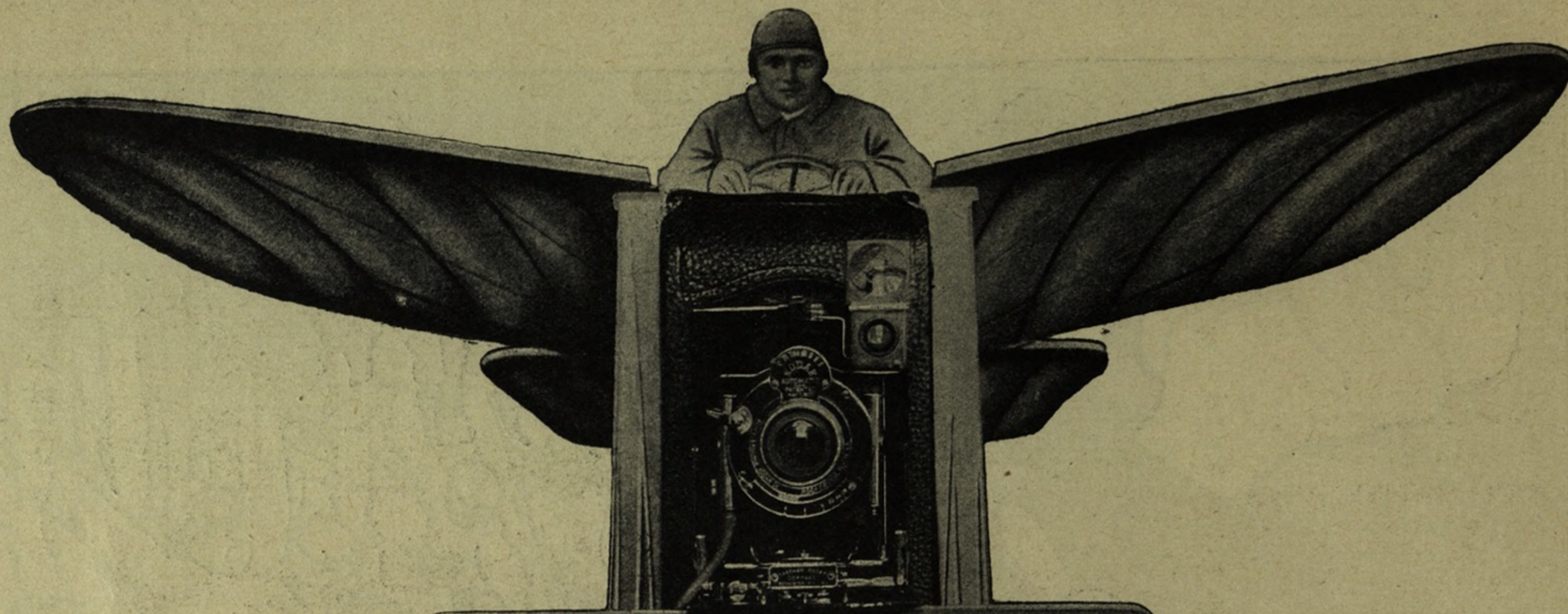
Обрадованные побѣдой благо, американцы набросились на негровъ и стали ихъ убивать.
— Наша взяла!— кричали они.— Бей ихъ!!

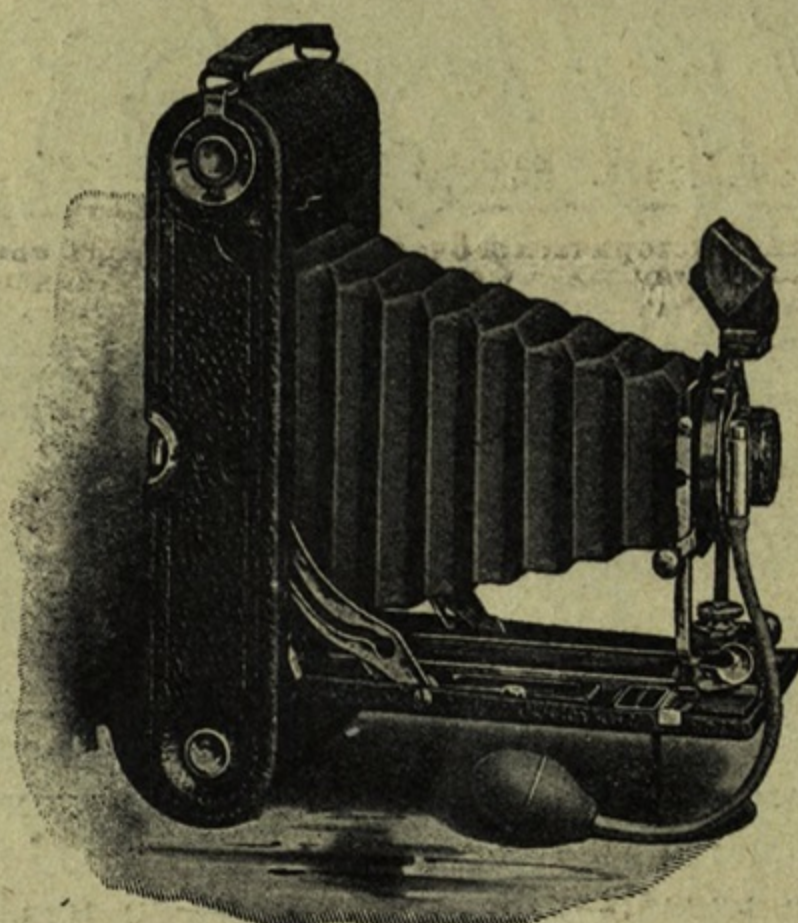
Въ 1912 году негръ Джонсонъ отказался состязаться съ американцемъ Джефрисомъ.
— Ради Бога, не надо,— сказалъ онъ. — Отъ этого спорта больше всего страдаютъ негры!

Разочарованные отказомъ, американцы набросились на негровъ и стали ихъ убивать.
— Они трусили,— кричали они.— Бей ихъ!!

ЧТО ВИДНО НА ЛЕТУ, ТО
“КОДАКЪ”
 ЗАПЕЧАТЛѢВАЕТЪ НА ВЪКЪ.

	для снимковъ	
№ 1	6 ¹ / ₂ × 9	сант. Р. 21.—
№ 1А	7 × 11	„ „ 25.—
№ 1А Спец.	7 × 11	„ „ 32.—
№ 3	8 × 10 ¹ / ₂	„ „ 38.—
№ 3А	8 × 14	„ „ 50.—
№ 4	10 × 12 ¹ / ₂	„ „ 50.—
№ 4А	10 ¹ / ₂ × 16 ¹ / ₂	„ „ 75.—

Мы принимаемъ на себя проявленіе Вашихъ катушекъ и изготовленіе отпечатковъ съ Вашихъ негативовъ по умѣреннымъ цѣнамъ и располагаемъ для выполненія этихъ работъ только опытными лицами. Запомните, что изъ нашихъ рукъ мы выпускаемъ работу только САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА.

Посѣтите нашъ магазинъ, въ которомъ Вы увидите полную демонстрацію бесплатно.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНЫЕ КАТАЛОГИ.

АКЦІОНЕРНАЯ КОМПАНІЯ КОДАКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Конюшенная, № 19.
 МОСКВА, Петровка, №№ 15 и 16.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА АЛЬПИНА

Синяя марка и подпись главн. предств. С.П.Б. Гороховая 33

ПРОДАЕТСЯ въ АПТЕКАХЪ и АПТЕК. МАГАЗ.

Лозанна Швейцарія
Schwabe & Co. Basle

Если желаете дитя ваше

видѣть здоровымъ, бодрымъ и хорошо развивающимся, то давайте ему Гематогенъ Д-ра Гоммеля. **ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ!** Требуите непременно имя Д-ра Гоммеля.

КОРСЕТЫ

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

Новѣйшихъ изящныхъ фасоновъ
Послѣднія Модели Париза.

Корсеты „Пластикъ“ Вязаные
Дающіе чудную пластическую фигуру.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ,
ГРУДОДЕРЖАТЕЛИ,
СЕНТЮРЫ,
НАБРЮШНИКИ.

Громадный выборъ готового товара

ТЕЛЕФОНЪ
238-40

С.П.Б. ФАБРИКИ МАРКУСА ЗАКСА
ПРОТИВЪ
ЛИТЕЙНЫЙ 45 БАССЕЙНОЙ
ПОДРОБНЫЯ БРОШЮРЫ ПО ТРЕБОВАНІЮ

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ (ТРИППЕРА) новѣйшее средство — „САЛО- ПИЧИЛИНЪ“

дѣйствуетъ быстро и радикально и, по отзывамъ врачей, считается рациональнѣмъ средствомъ. Наставленіе при коробкѣ. Настоящее только въ метал. коробкахъ по 1 руб. и по 1 р. 80 к.

Однаково хорошо дѣйствуетъ въ острыхъ и хроническихъ случаяхъ и въ короткое время устраняетъ самыя упорныя истеченія.

для пользы больныхъ.

Въ виду поддѣлокъ исключительная продажа въ С.-Петербургѣ, Разъѣзжая ул. № 7, аптека Б. Конгейма.

Высылаются налож. платеж. Пересылка по почтовому тарифу.

О перемѣнѣ адреса подписчиковъ журнала САТИРИКОНЪ

При перемѣнѣ адреса необходимо прислать прежній бандерольный адресъ, безъ чего перемѣна адреса очень затруднительна. За перемѣну адреса взимается: съ иногородняго на городской или съ городского на иногородній—50 коп., съ городского на городской—25 к. и съ иногородняго на иногородній—25 коп.

УНИЧТОЖАЕТЪ МОЗОЛИ СЪ КОРНЕМЪ.
МОЗОЛИНЪ 35к
РЕЙНГЕРЦЪ
ОСТЕРЕГ. ПОДЪЛ. ПРОД. ВЕЗДѢ
ФАБР. С.П.Б. 10 РОЖДЕСТВА 24.

Что?
Еще не получили?

Что же я буду дѣлать. Я остался безъ папиросъ.

Что?
Вы говорите взять другія?
Но я НЕ МОГУ КУРИТЬ никакихъ гильзъ КРОМЪ гильзъ НАТЫНА!

Д-ра ШИДДЕРЪ-ВАРНАЙ
„Маріенбадскія Редукціонныя Пилули“ противъ
ОЖИРѢНІЯ
и отличное слабительное средство. Настоящая упаковка въ коробкахъ краснаго цвѣта съ описаніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Вышла четвертымъ изданіемъ и поступила въ продажу весьма практично составленная книга
МУЖСКОЕ ПЛАТЬЕ
руководство къ изученію кройки и обработки мужского платья, съ 40 таблицами, содержащими 122 объяснительныхъ рисунка, и съ приложеніемъ сокращеннаго масштаба.
Изданіе редакціи журнала: „Новѣйшія моды мужскихъ платьевъ“.
Цѣна книги 2 р.
Съ требованіемъ обращаться къ издат. І. ПЕЛИЦАРО, С.-Петербургъ, 11-я рота, д. № 4.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ на ежедневную политическую газету
5-й годъ изданія **РЪЧЬ** 5-й годъ изданія издаваемой въ С.-Петербургѣ В. Д. Набоковымъ и И. И. Петрункевичемъ при ближайшемъ участіи П. Н. Милокова и І. В. Гессена и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Особое вниманіе обращено на отдѣлъ извѣстій изъ провинціи. (имѣется болѣе ста корреспондентовъ).
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи: на годъ—12 р.—к. на 9 м.—9 р.—к. на 6 м.—6 р.—к. на 5 м.—5 р. 10 к. 4 м.—4 р. 15 к. 3 м.—3 р. 15 к. 2 м.—2 р. 15 к. 1 мѣс. 1 р. 10 к. За границу: на годъ—20 р.—к. 9 м.—15 р. 75 к. 6 м.—11 „—, 5 м.—9 р. 50 к. 4 м.—7 р. 75 к. 3 м.—6 р. „—, 2 м.—4 р. „—, 1 м.—2 р.
Льготная подписка (при непосредств. обращеніи въ главную контору):
1) Для сельскихъ священниковъ, учителей, крестьянъ, р. бочихъ, фельдшерозъ, приказчиковъ, учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: на 12 м.—9 р., 9 м.—6 р. 75 к., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 40 к., 1 м.—85 к.
2) Служащимъ въ правит., обществен. и торгово-промыш. учрежденіяхъ при коллективной подпискѣ черезъ казначеевъ и дѣлопроизвод. — 10% скидки.
3) Книгопродавцамъ, кіоскамъ, агентамъ и др. посредникамъ по приему подписки—5% скидки.
Адресъ редакціи и главной конторы: С.П.Б. Ул. Жуковскаго 21. №№ газеты „РЪЧЬ“ для ознакомленія высылаются бесплатно.

Продано болѣе двухъ милліоновъ банокъ

отъ СѢВЕРНАГО ПОЛЮСА до ЮЖНАГО ЖЕНЩИНЫ УБѢДИЛИСЬ ЧТО ТОЛЬКО **КРЕМЪ КАЗИМИ** РАДИКАЛЬНО ВЕСНУДКИ и ДРУГІЕ УТВ. ДЕПАРТ. и МАНУФ. ТРЕБУЙТЕ ПОДПИСИ

уничтожаетъ УГРИ. ПЯТНА. ДЕФЕКТЫ ЛИЦА

МЕТАМОРФОЗА

ТОРГОВЛЯ ЗА № 468

Продано болѣе двухъ милліоновъ банокъ

БИРЖА БИРЖА БИРЖА БИРЖА

— НОВАЯ КНИГА —
КРАТЧАЙШІЙ и ДОСТУПНЫЙ КАЖДОМУ
ПУТЬ КЪ БОГАТСТВУ
— БИРЖЕВЫЯ ОПЕРАЦИИ. —

Популярное руководство для желающихъ испытать счастье на Биржѣ.

Предисловіе краткій историческій очеркъ Биржи, авторъ яркими живыми красками рисуетъ картину, какъ наживаются деньги покупкою и продажей бумагъ на Биржѣ, и даетъ указанія, какъ можетъ въ этомъ принять участіе каждый желающій, при наличности даже 100—200 руб.; чѣмъ руководствоваться при выборѣ бумагъ; какъ угадать биржевое настроеніе; отчего бумаги повышаются и понижаются; какъ вести дѣло; гдѣ достать кредитъ, какъ выбрать банкира и т. п.

Книга снабжена перечнемъ наиболѣе ходкихъ бумагъ, съ указаніемъ ихъ расцѣнки за 1908 г. по мѣсяцамъ и за 17 предшеств. лѣтъ, дивиденда за 3 года и времени его выдачи, необходимыми таблицами и массой примѣровъ, доказывающихъ, что ни одна область труда не можетъ такъ колоссально обогатить человѣка, какъ удачныя операціи на Биржѣ.

Цѣна книги, содержащей 115 стран. убористаго шрифта, 50 коп., съ пересылкой 65 коп. (можно марками), съ налож. платеж. 75 коп. ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КРУПНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ, КІОСКАХЪ и НА СТАНЦІЯХЪ Ж. Д.
ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ:
СПБ., Николаевской Артели, Разъѣзжая, 5.—Н.
Телеграфный адресъ: Петербургъ Никартель.
Выписывающіе изъ сего склада со ссылкой на это объявленіе за пересылку не платятъ.

Дамы

употребившія хоть одинъ разъ

ПАТЬ НИППОНЪ

увѣряютъ, что лучшаго средства для достиженія красоты и молодости

НЕ СУЩЕСТВУЕТЪ.

ПУДРА, МЫЛО и КРИСТАЛЛЫ НИППОНЪ за короткое время тоже завоевали общую СИМПАТІЮ ДАМЪ

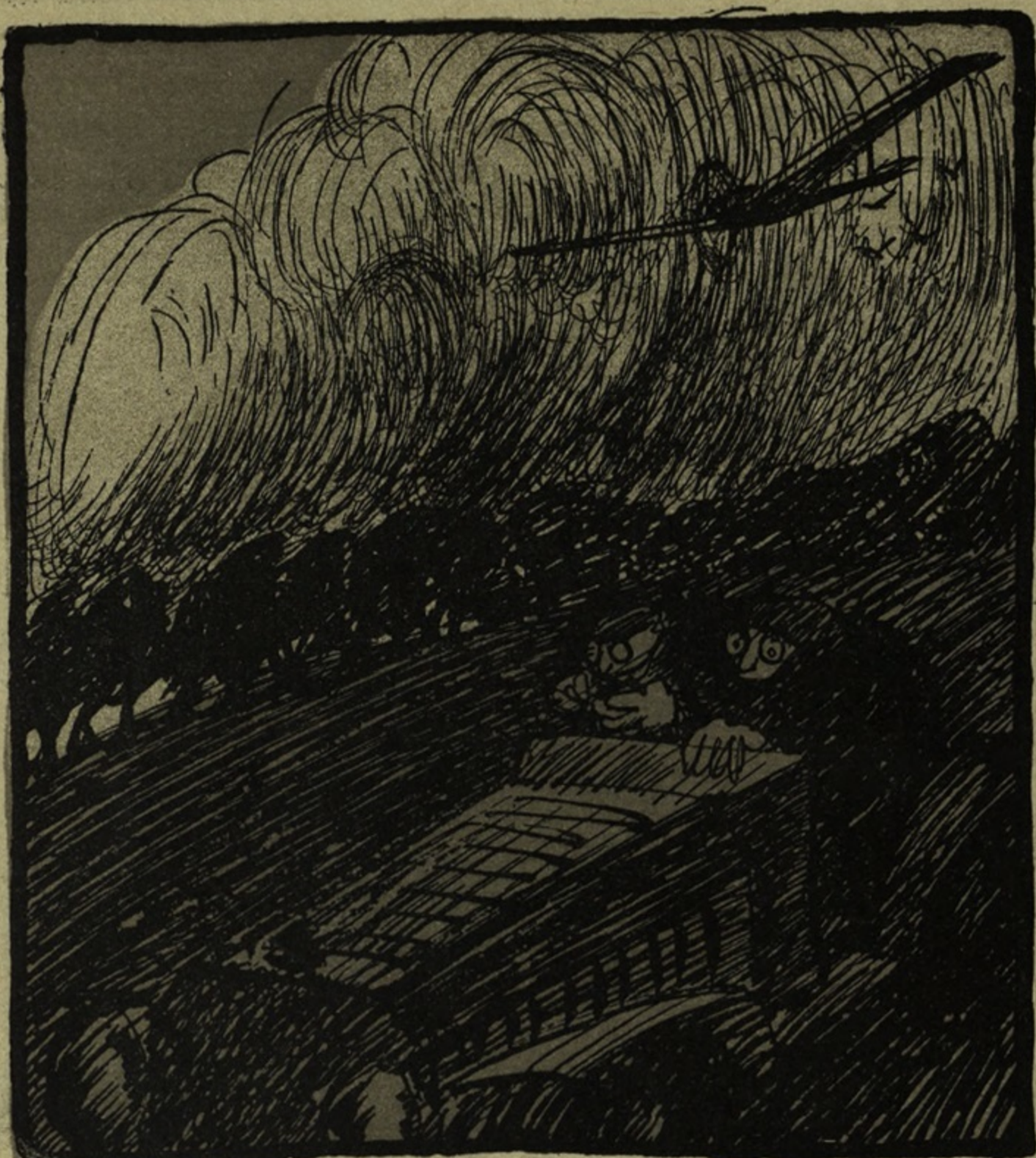
Продается во всѣхъ аптек. и парфюм. магаз. и у Т-ва „НИППОНЪ“, Невскій пр., д. № 110.—8. Брошюра знаменитой японки Юначивара Масанадо „Отчего я такъ красива и молода“, высылаются БЕЗПЛАТНО.

СТРАШНАЯ ДРАМА.

(ИЗЪ ЛѢТОПИСИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ БУДУЩАГО).

Рис. А. Яковлева.

7/29/1823
3-78

Мрачныя, зловѣщія сумерки нависали надъ путника-ми... Жуткую тишину нарушалъ только шумъ мотора, да рѣдкія слова, которыми перебрасывались молчаливые авто-мобилисты.. Вдругъ откуда сверху послышалось жужжаніе пропеллера..

— Стойте!—донесся съ высоты рѣзкій голосъ.—Ни съ мѣста!!

Предчувствуя ужасное, какъ вихрь, помчались авто-мобилисты...

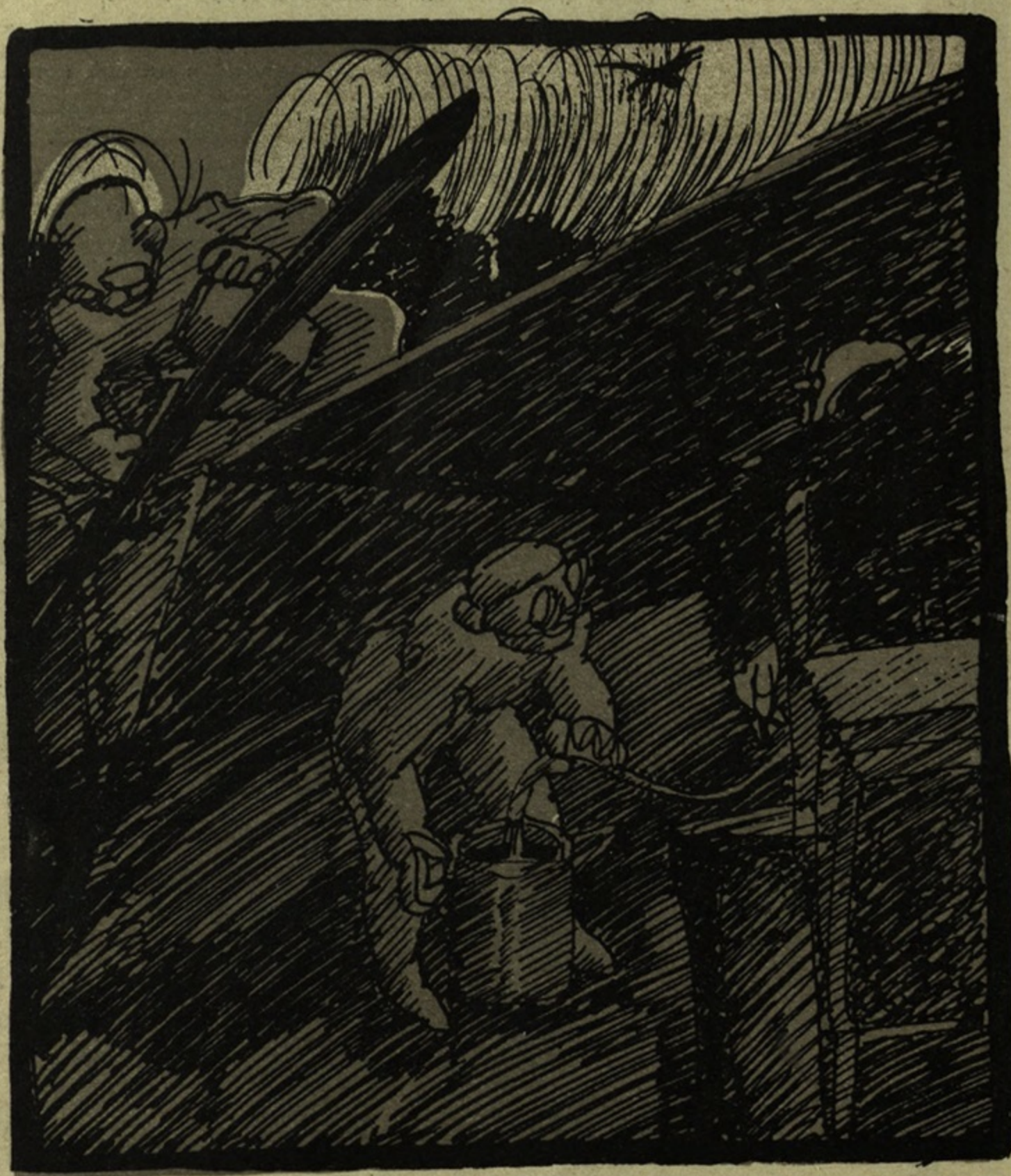
— Остановитесь!—гремѣлъ голосъ сверху.—Или мы васъ перестрѣляемъ, какъ куропатокъ!.. У насъ не хватило бензина.

Автомобиль несся.

— Отдайте намъ вашъ бензинъ, и мы ничего худого вамъ не сдѣлаемъ.

Отдать бензинъ въ пустынь—было равносильно ги-бели... Автомобиль несся, какъ стрѣла.

Гранулъ выстрѣлъ.

Опускалась зловѣщія ночь.

Страшные, закутанные люди, люди безъ сердца, съ радостной свирѣпостью ринулись къ автомобильному ре-зервуару и стали съ жадностью сосать его...

И ничего нельзя было прочесть на ихъ заброниро-ванныхъ, окаменѣвшихъ лицахъ.

Насытилась, насосалась бензиномъ ужасная птица, приободрилась, и съ веселымъ громкимъ жужжаніемъ упорх-нула. Куда? Богъ вѣсть.

Улетѣла, страшная, гайнственная, безпощадная...

И появились тогда другія птицы, съ карканьемъ и пронзительными криками. Пировали...

Гдѣ-то зловѣще всходила луна.